

Слёзы Турана -9: Мест кормилицы

Category: Kitapcy, Taryhy proza

написано kitapcy | 24 января, 2025

Слёзы Турана -9: Мест кормилицы МЕСТЬ КОРМИЛИЦЫ

Покрытая нисайскими коврами лодка, уткнувшись носом в береговой песок, мерно покачивалась на мургабской волне. На больших блюдах дымили жареные стрепеты, фазаны и нежная джейранина. Перед Санджаром лежала отваренная баранья голова – признак уважения к старшему и к власти. Райскими голосами звенели лютя и чанг.

Перед возвышенностью, на которой сидел султан, расстиралось широкое зеленое поле, где дети придворных гарцевали на конях. Бровь султана дрогнула, когда Аджап, которой было приказано сопровождать его в этом выезде, тронула тугие струны чанга. И, как раненый чибис на воде, забился ее голос в поздних сумерках:

Румяный пекарь мечется в окне,
игриво подает чуреки мне.
Он превратил меня улыбкой в тесто.
Боюсь – теперь поджарит на огне...

– Йэ-э! – донесся с поля задорный клич молодых кавалеристов – победителей, высоко вскинувших изогнутые чаганы (Чаганы – клюшки для игры в конное поло). И снова, тесня друг друга, арабские кони кинулись в жаркую игру.

– Ужель и вправду мужем надо звать того,
кто не умеет жен ласкать?
Мой жгучий поцелуй в полцарства ценят,
а ты не хочешь даром целовать.

Аджап погладила струны чанга и вздохнула. Нежные, как веточки лилии, пальцы девушки ласкали мягкими движениями шелковые

струны чанга. Ее нежный голос тронул душу владыки, стихи – рубай были так неожиданны, что Санджару пришлось порыться в памяти, чтобы достойно ответить неожиданному и находчивому выпадку красивой де вушки. Вспоминалось шестистишие из поэмы «Вис и Рамин»:

Одно поможет: с ним ты лечь должна,
как с милым мужем верная жена.
Ты спрячь лицо, ложись к нему спиной, –
Он пьян, тебя он спутает со мной, –
Ты пышным телом, как и я, мягка,
обнимет он – обманется рука...
Смогла ли понять намек певица?

– Йэ-э! – снова донеслись с поля азартные голоса игроков. Султан приподнялся на локте. Кормчий ударил веслом по воде, и лодка закачалась, отошла от берега, а потом снова врезалась в песок. На зеленой лужайке переругивались разгоряченные игроки. Слуги стирали с морд коней пену. Молодежь с жадностью набросилась на жареную дичь и вино. Зазвенели кубки, застучали кости о серебряные подносы, зазвучали хмельные тосты в честь величайшего из величайших, славы ислама и счастья религии, надежной защиты государства – султана Санджара. И только хозяин этого застолья и веселья сидел с непроницаемым лицом. Первой это заметила Аджап. Кивнув музыкантам, сидевшим на корме лодки, она завела рассказ о героях, которые сражались с презренными рыцарями, набивавшими свои желудки свининой. Однако ж стрела, пущенная опытной рукой, в этот раз не попала в цель. Султан обронил к ногам платок, давая знак певице умолкнуть.

Сильные, властолюбивые руки давили спелые гроздья винограда, а взгляд Санджара хмуро ласкал желтые воды Мургаба. «Разве эти руки ослабли, – думалось султану, – разве эти глаза за сотни шагов не отличают утку от стрепета?.. Так почему же шутливые рубай ранили душу именно той строчкой, где говорилось: «Ты спрячь лицо, ложись к нему спиной...он пьян, тебя он спутает со мной...» Разве моя рука не чувствует слабого тела государства?

Разве не эта рука из глины создает кувшины с разными названиями, в которых миллионы подданных подчиняются единой воле? Это также верно, как и то, что от Балха до Иерусалима – ровно 876 фарсахов!.. Но сумел же Омар повернуться ко мне спиной. О, аллах! Услышь мою мольбу, прости прегрешения и скверну нашу, и помилуй милостью своей, – султан поднял руку к небу. – Укрепи в трудный час мою волю и сердце. Дай силу, которой оделил ты первого великого сельджукида – Тогрул-бека, и я поверну звезду вселенной, как дикого жеребца, схватив за узду!»

Искренняя и горячая молитва как бы облегчила душу Санджара, улыбка снова коснулась его лица. Убеждая себя в собственной силе, султан тихо сказал:

– Силой, подаренной небом, герой поэмы – дряхлеющий Мубад, сразу разобрался – какую женщину ему подложили на ночь, лишь только рука его коснулась старческого тела...

Он руку протянул – обрел старик
Не гополь свежий, а сухой тростник!
Где шип, где шелк, – рука понять сумела,
где старое, где молодое тело...

тихо прочел Санджар душещипательные стихи. Большие черные глаза его злорадно заискрились.

– Но клянусь, что участь Мубада – не моя звезда. Мне ли ждать, когда судьба, как факир, укажет глазом на то, чего нет на самое деле... Я уничтожу каждого, кто посмеет повернуться ко мне спиной! Моя рука сумеет понять, где шип, а где шелк... И пусть в назидание всем возмутителям будет примером судьба Омара. Эй! Или желудки моих юных леопардов стали дырявы, как бурдюки?! Каймаз, выше бокалы, сильнее натяните струны, спойте песню о великих предках!..

Ударили литавры. Звуками тонкими и острыми, как лезвия кинжалов, зазвенели горны, вспарывая тишину вечерней реки.

– Каймаз, громче! – грозно требовал султан, стараясь придавить тоску своего сердца. Оно, царское сердце знало истинную цель и цену похода, и султан хотел чем-нибудь занять огромную и

прожорливую армию, которую приходилось содержать за счет ремесленников и хлебопашцев.

И вот, властно вторгаясь в звон меди, лютня стала упорно наступать на воинственную мелодию. Звуки ее были тихи, но настойчивы, и пирующие невольно повернулись на голос певицы. Сложив руки на груди, Аджап напевала о великом походе Алп-Арслана в Византию, где первый сельджук лишил пышный и безграничной власти императора, наступил на его согбенную спину и по ступенькам нового трона поднялся к славе.

В руках Санджара хрустнули четки.

– Величие сельджукидов не затмит никакое вражеское знамя. Но оно не стоит и плевка дервиша, если его попирает сборщик податей! – жилы на шее султана собрались в комок. – А чем я прославлю свой великий род? Что споют шахиры и поэты на пирах моих правнуков? Великое – должно быть и будет великим, хотя на всем величии мира лежат отпечатки черной крови.

Султан все более мрачнел. И тут воин в барсовой шкуре принес весть о заговоре в Самарканде. Пусть волчьи пасти набьются жиром вражеских войск. Столкнувшись на поле битвы, противники перегрызут глотки друг другу. Главное теперь – умело и вовремя столкнуть врагов над добычей. Первым надо втравить Кумача и огузов. О, эти огузы! Горбун снова донес о волнениях в стойбище Чепни.

Только теперь Санджар понял, почему с самого утра у него болит сердце и что заставляет его хмурить брови. Это – Кумач... Презренная собака, паршивый выкидыш. Вот кого надо держать в цепях!.. Кумач, как хищный барс, сидит рядом, за спинкой трона. И пока он на цепи, сделает много, чтобы прославить имя Санджара. Но нельзя забывать, острые клыки барса сразу же вонзятся в горло и все тогда содрогнутся от побед этого хищника. И седой Хазар был бы жалким подобием плевка перед тем океаном крови, который выпустил бы Кумач, став султаном султанов... От этих мыслей сжималось сердце Санджара.

Он знал заповедь атабека, который учил: мир помнит только тех, кто огнем и мечом выписывает свое имя на страницах истории. А кто помнит сейчас имя горшечника, обжигавшего свои кувшины во время завоеваний Александра Македонского?..

– Пусть живет вечно слава наших предков, завоеванная в битвах! – провозгласил султан Санджар, поднимал кубок.

– Вечно!

– Живи вечно, охраняемая неустрашимым львом, единственным и непобедимым! – громко подхватил Каймаз.

Султан встал, выплеснул остатки вина в Мургаб. От засеянных полей, от дальнего берега и камышей на него повеяло ветром большой крови. И все более крепла в нем мысль о новом походе. Ветер освежил грудь и лицо.

– Каймаз, эй, пусть джигиты покажут свое умение в борьбе! Кто из вас лучший пальван? Раскиньте ковры.

Султану нужна была не борьба. Измученный с утра тяжелыми раздумьями, он хотел видеть напряжение других, – это успокаивало и радовало тем, что не только ему одному тяжело давалась жизнь.

– Почему смолкли струны чанга? – спросил, он. – А эти глаза!.. Или голубые мотыльки заснули? Рано спать... Сегодня всем предстоит великая радость.

Испугавшись скрытых ноток в голосе султана, Аджап тронула струны похолодевшей рукой. Санджар низко наклонился и шепнул: – Сегодня голубые мотыльки должны будут опуститься в моих ночных покоях, чтобы ласкать мое уставшее тело.

Девушка побледнела, прося испуганным взглядом защиты у. Ягмура, который стоял неподалеку среди воинов личной охраны. Юноша потянулся к мечу, но во время опомнился, перехватив взгляд Каймаза, который неотступно следил за изменчивым и грозным лицом Санджара.

– Я убью его! – бешено взревел джигит в шатре Аджап.

– Спаси, спаси меня, Ягмур! – шептала девушка, прижимаясь к груди, закованной в сталь.

Ягмур метался по шатру, не зная, что делать. Неожиданно он выпалил:

– Собирайся, Аджап! Я отправлю тебя к огузам в горы. Тебя охотно примут в стойбище Чепни. Будь готова. – Ягмур хотел направиться за лошадью, но в это время поднялась Зейнаб.

– Остановись, джигит! – воскликнула кормилица. – Шпионы султана найдут ваш след. Я вижу, что коварный рок взмахнул

ножом над вашими головами. Но вижу и другое: пробил час, и я должна свершить задуманное... Слушай меня, джигит!..

В шатре стало тихо, потом послышался возбужденный шепот:

– Судьба посылает нам новое испытание, и пусть заботы упадут на мои плечи. Дай мне свое платье, дорогая Аджап.

Одно поможет: с ним ты лечь должна,

Как с милым мужем верная жена.

Ты спрячь лицо, ложись к нему спиной,–

Он пьян, тебя он спутает со мной...

– О, моя кормилица! – с ужасом воскликнула Аджап.

– Береги себя и свои лучшие чувства. Когда-то я не поверила молодому ювелиру Айтаку и горько потом раскаялась!.. Прощай, моя козочка. Да благословит аллах вашу любовь. Ягмур, ты говорил, что мастер Айтак умер с достоинством!

– Храбро и славно, – добавил Ягмур.

– Может быть, и поздно, но я докажу свою преданность, Айтак! – с угрозой прошептала Зейнаб, пряча за пояс кинжал.

– Опомнись, добрая женщина! – зашептал Ягмур. – Если я горяч, то и твоим разумом руководит шайтан. Горы огузов надежно спрячут достойную Аджап. Все будет хорошо. И как можно поднять руку на посланника и любимца неба, имя которого уста мастера Айтака произносили с трепетом! – говорил воин в барсовой шкуре, чувствуя, как что-то тяжелое и черное наполняло его душу. – Заклинаю, одумайся! Будь благоразумна, пылкая женщина!

– Я делаю только то, что должна сделать. И не отступлю от своего, – послышалось в ответ. – И пусть свершится воля аллаха! – кормилица шагнула в темень, за порог шатра. И скрылась.

Еще сильнее заплакала Аджап. Залаяли сторожевые псы. У коновязи гремели привязью подседланные кони.

Продолжение следует >> Taryhy proza